

<https://biography.wikireading.ru/114509>

Секретные архивы НКВД-КГБ *Сопельняк Борис Николаевич*

ТРИЖДЫ НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЕКСАНДР ОГОРОДНИК

ТРИЖДЫ НЕИЗВЕСТНЫЙ АЛЕКСАНДР ОГОРОДНИК

На самом деле этого человека хорошо знали, причем не только в Москве. Скажем, работники советского посольства в столице Колумбии Боготе знали его как второго секретаря посольства Александра Огородника, сотрудники КГБ зарегистрировали его сперва под псевдонимом Дмитриев, и несколько позже как Агронома. А вот вербовщики ЦРУ окрестили его Трианоном, то есть трижды неизвестным.

Еще раньше его знали как воспитанника Севастопольского нахимовского училища, а затем курсанта Ленинградского военно-морского училища имени Фрунзе. Все шло логично и нормально. Ему, сыну военного моряка, сам Бог велел идти по стопам отца — и он шел, пока, незадолго до окончания училища, у него вдруг не сдало зрение. Отнесись тогда начальство к этой беде без пяти минут офицера более чутко (как будто на флоте нельзя служить в очках?!), то не было бы никакого Трианона, не пришлось бы разрабатывать сверхсложные операции «Кайман», «Агроном» и «Сетунь», а, самое главное, не было бы жертв, не было бы трупов.

А так вчерашнему курсанту пришлось устраиваться на работу в типографию, дни и ночи проводить у печатной машины. И только год спустя, вспомнив о золотой медали, полученной в нахимовском училище, Саша решил рискнуть, как говорится, по-крупному: он подал документы в сверхпрестижный и сверхблатной Московский государственный институт международных отношений. Отец — не посол, не секретарь обкома и не космонавт, а скромный офицер в звании капитана второго ранга, квартиры в Москве нет, связей — никаких, зрение — ни к черту, испанский язык — с пятого на десятое, английский — со словарем.

И все же Саша Огородник в МГИМО поступил! Ему чертовски повезло. Дело в том, что в ЦК КПСС стали поступать жалобы от простых трудящихся, детям которых, даже если они сдавали экзамены на пятерки, в институте давали от ворот поворот. На Старой площади возмутились и отрядили грозную комиссию! Есть в институте хоть один студент из семьи токаря, сталевара или шахтера? Нет?! Это грубейшая политическая ошибка. Вы забыли, кто у нас правящий класс!

Как всегда бывает, за этим последовали разносы, партийные взыскания и требования немедленно исправить сложившееся положение, определив процент студентов из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. В этот-то процент и попал сын севастопольского кавторанга. А дальше Александр Огородник показал, чего он стоит! Учился только на «отлично», по-испански стал говорить не хуже коренного жителя Мадрида, да и с английским дела пошли на лад. К тому же он слыл хорошим спортсменом и записным донжуаном. Не счесть, сколько он покорило девичьих сердец. Перед ним не могли устоять даже надменно-вальяжные министерские, посольские и цековские дочки, которые считали ниже своего достоинства общаться с юношами, не проживавшими в «высотках» и одевавшимися не в «Березках».

Дело шло к окончанию института, вот-вот распределение, а самых выгодных невест расхватали прямо на глазах. И тоща Саша решил жениться не на выгодной, а на богатой. В конце концов он остановил свой выбор на студентке их же института Александре Арупонян. Но пока он занимался амурными делами, оказалось, что все интересные места в посольствах заняли всевозможные сынки и дочки. Саша запаниковал! Но, хорошенько подумав, решил, если так можно выразиться, обойти своих сокурсников на повороте.

Так как он давно был связан с КГБ и работал на контору под псевдонимом Дмитриев, к тому же слыл комсомольским активистом и неоднократно выезжал за рубеж в составе делегаций Комитета молодежных организаций, Огородник попросил своих шефов помочь ему с поступлением в аспирантуру: защиту, мол, диссертацию, войду в круг ученых и информацию начну поставлять более ценную. Аргументы были признаны убедительными, и ему помогли: Александра приняли в аспирантуру, и через несколько лет он выпорхнул в свет канди датом экономических наук. А вскоре

последовало вполне приличное назначение в Колумбию — вторым секретарем советского посольства. Должность хоть небольшая, но это всего лишь старт: как спортсмен, Саша понимал, что побеждает не тот, кто лихо стартует, а тот, кто равномерно проходит всю дистанцию и затем бурно финиширует.

Финиш у него будет действительно бурным и настолько непредсказуемым, что кое-кому за это придется расплатиться не только карьерой, но и погонами. Но до этого еще далеко... Пока что впереди — экзотическая страна, интересная работа, море наслаждений и такие необычные друзья, о которых до этого он читал только в шпионских романах.

В колонии посольских работников его приняли хорошо. Дамы сочли Огородника галантным кавалером, а мужчины — толковым специалистом и прекрасным партнером по волейболу. Все шло превосходно, пока однажды ему не предложили прогуляться на свежем воздухе.

— Все ясно, — резанула досадная мысль. — Кабинеты могут прослушиваться, а человек из резидентуры КГБ хочет поговорить со мной с глазу на глаз. Вот черт, и здесь не оставят в покое!

Когда вышли в парк, человек представился сотрудником КГБ Говорухиным, напомнил о контактах Огородника с его коллегами в Москве, сказал, что в Боготе работать с Огородником поручено ему, и поинтересовался его мнением о некоторых работниках посольства.

«Если все сведется к чистой воды стукачеству, то я его переиграю», — улыбнулся про себя Огородник и понес какую-то чепуху о том, что он здесь недавно, что толком никого не знает, а информация, которую рассчитывает получить товарищ Говорухин, требует постоянных наблюдений и серьезного анализа.

— А иностранцы? — спросил Говорухин. — Вы уже со многими познакомились. Какого вы мнения о них? Не заметили ли чего-нибудь такого, что могло бы заинтересовать нас?

— Тут я пока что «пас», — теперь уже в открытую улыбнулся Огородник. — Все приветливы, все словоохотливы, но как только доходит до дела, необходимую информацию приходится вытаскивать

чуть ли не клещами. И вообще, у меня такое впечатление, что не столько я изучаю их, сколько они изучают меня, — брякнул в заключение Огородник.

Эта фраза не осталась незамеченной.

— Да-да, Александр Дмитриевич, это вы подметили верно, — похвалил его Говорухин. — И наши местные контрагенты, и их северные соседи весьма внимательно присматриваются к каждому новому работнику советского посольства. Так вот и живем: они присматриваются к нам, мы — к ним... Так я на вас рассчитываю?

— Конечно, конечно, — торопливо согласился Огородник. — Как только, то сразу...

Но никакой информации Говорухин так и не получил. И тогда резидентура решила от услуг Огородника отказаться. Стукач из него никакой, а вот специалист прекрасный. Так что пусть занимается своим делом, в конце концов, он единственный в посольстве кандидат экономических наук. А тут еще подоспело профсоюзное собрание и Огородника избрали в состав бюро. Если учесть, что профсоюзным собрание называлось для отвода глаз, а на самом деле было партийным, то избрание Александра в состав партбюро было несомненным признанием его заслуг и как человека, и как специалиста.

К тому времени Огородник окончательно освоился со своей ролью второго секретаря посольства. С утра до вечера он мотался по Боготе, встречался с бизнесменами и деловыми людьми, обсуждал сделки, разрабатывал контракты, а когда жена перестала приставать с вопросами: «Где был?» и «Почему вернулся так поздно?», Александр вышел на тропу сладострастия и блуда. Его первыми жертвами стали посольские дамы, которые от скуки и безделья с радостью бросались в объятия симпатичного и чрезвычайно сексапильного мужчины.

Многие из них постепенно отсеялись, а вот с Ольгой Серовой, женой одного из работников торгпредства, завязался серьезный роман. Протекал он на виду у всего посольства, но, как это ни странно, ни Ольгу, ни Огородника никто не осуждал. Во-первых, муж Ольги сильно пил, и их брак носил чисто формальный характер. А во-вторых, и на этом особенно сильно настаивали женщины, во всем виновата

жена Александра! Надо же до такого додуматься: была армянкой, а решила стать гречанкой. Прямо как у Пушкина: была крестьянкой, а возмечтала стать столбовой дворянкой. Короче говоря, ничего не сказав мужу, мадам Арутю-нян разыскала пластического хирурга, который ее армянский нос превратил в греческий.

Мало того, что это стоило больших денег, которые она, кстати, не зарабатывала, так ко всему прочему бывшая армянка потеряла весь свой шарм и превратилась в остроносую Бабу-ягу. Так что понять Александра можно, от такой страхолюдной бабы сбежишь и к кикиморе. А Ольга — интеллигентная, образованная и очень милостивая женщина. Через некоторое время они стали встречаться чуть ли не официально, и заявили, что по возвращении в Москву намерены расторгнуть свои браки и тут же пожениться. «Совет вам да любовь!» — искренне говорили не только сотрудники посольства, но даже те дамы, которых Огородник покинул ради Ольги.

Казалось бы, чего еще надо, живи и радуйся! Есть интересная работа, любящая женщина, но Огородник как с цепи сорвался. Он снова начал волочиться за кем ни попадая, затевал краткосрочные романы, увивался чуть ли не за каждой юбкой. Именно в эти дни в его дневнике появилась довольно откровенная и самокритичная запись: «Я постепенно превращаюсь в блудливую собачонку, которая, потеряв голову, носится за сучкой. Я превращаюсь в беспринципного тунеядца и подлеца, становясь тем самым одним из тех, кого всю жизнь презирал».

Огородник не заметил, как слова, которыми он характеризовал сам себя, стали ходить по коридорам посольства, как он, симпатичный парень и всеобщий любимец, буквально на глазах превращался в мерзавца и пошляка. А когда всплыла афера с автомобилем, многие вообще перестали подавать ему руку. Дело в том, что когда в посольство прибыли новые машины и одну из них закрепили за Огородником, старую решили продать: сделать это поручили самому Огороднику. И тут в нем проснулся деляга, причем в самом худшем и самом примитивном смысле этого слова. Машину он продал, и деньги в кассу сдал, но при этом провернул такую хитроумную операцию, что в собственный карман положил восемьсот долларов: сорок лет назад это были довольно приличные деньги.

Не прошло и месяца, как эта афера всплыла. Разразился страшный скандал! Хапуге Огороднику в посольстве объявили бойкот. Посол вызвал его на ковер, отчитал как мальчишку и пригрозил сообщить об этом инциденте в Москву. А там церемониться не будут, немедленно отзовут и отдадут под суд. Огородник до смерти перепугался, деньги обещал вернуть, но так как он их уже потратил, влезет в долги, но злосчастные восемьсот долларов непременно вернет. Посол был добрым человеком и скандал пообещал замять.

— Но деньги надо вернуть. И чем быстрее, тем лучше! — жестко напомнил он.

Восемьсот долларов! Это гораздо больше, чем зарплата второго секретаря посольства. Где их взять? Единственный выход — что-то продать. Но что? И кому? Чем может заинтересовать советский дипломат колумбийского богатея?

Огородник нервно закурил и плеснул себе виски... «Стоп! — осенило его. — Сигареты и виски — это же выход. Ура, меня спасут сигареты и виски!» Комбинация, которая пришла ему в голову, была проще простого. В посольском магазине сигареты и виски продают со значительной скидкой. Он закупит партию и того, и другого, благо что с продавщицей у него кое-что было, и продаст эти коробки в городе. Кому? Он знает, кому — владельцу бензоколонки, на которой он всегда запрашивается и с которым пару раз выпивал. Сеньор Рохес, увидев его фотоаппарат, как-то намекнул, что если его постоянный клиент захочет избавиться от надежного русского «Зенита», он охотно его купит.

Через несколько дней канал «советское посольство—колумбийская бензоколонка» заработал с завидной регулярностью. А еще через несколько дней сеньор Рохес, который давно работал на ЦРУ, доложил об этом контакте своим американским хозяевам, которые тут же задокументировали этот факт на видеокамеру. Как выяснилось позже, американцы положили глаз на Огородника чуть ли не с первого дня его приезда в Колумбию. Они знали о и его неумном честолюбии, и о бесчисленных романах, и об афере с машиной, и даже о том, что на последнем профсоюзном собрании его не избрали в состав бюро. Это сильно ударило по тщеславию Огородника, не говоря уже о том, что стало первым звонком в деле недоверия к излишне ретивому и не очень чисто плотному сотруднику посольства.

«Что ж, — решили в резидентуре ЦРУ, — парень обиделся, считает, что его недооценивают. Надо ему внушить, что все эти удары и тычки — из-за зависти к его талантам и, конечно же, из-за того, что, в отличие от посольских импотентов, он равнодушен к женщинам и пользуется у них успехом. На этом-то мы и сыграем. Пора выпускать Пилар! Она этого бычка живо обрабатает».

Пилар... Да, Пилар Суарес Баркала — это сильный ход. Это такое грозное оружие, против которого на нашей грешной Земле нет и не может быть никакой защиты. Представьте себе одно из самых совершенных творений природы, одну из самых трепетных и нежных дочерей Венеры. Стройна, изящна, поступь легкая, грациозная и волнующе-манящая. Волосы — как смоль. Глаза — бездонный агат. Руки — крылья Одиллии. И голос — это не голос, а тиховейный кастильский ветерок, сдобренный пикантной африканской хрипотцой. О коже — вообще ни слова, потому что мало кто видел золотистый персик, чуть тронутый утренней зарей. А едва сдерживаемый, но брызжащий из глаз огонь испанской аристократки — это как залп «катюши», спастись от которого невозможно.

И вот это творение то ли Бога, то ли черта выпустили против нашего мышиноного жеребчика. Обставили всё как в лучших домах, с соблюдением дипломатического этикета и правил игры, принятых во всех посольствах. Колумбийский институт культуры разослал в посольства приглашения на открытие выставки «Колумбия вчера и сегодня». От советского посольства на мероприятие были делегированы три человека, в том числе и тот, ради которого все это затевалось. Пилар была одним из организаторов выставки и встречала гостей у входа.

Когда эта изумительная женщина подала руку Огороднику и задержала его руку в своей чуть дольше положенного, тот на весь вечер лишился дара речи. Он как сомнамбула, не замечая развешанных на стенах фотографий, бродил по залам, почему-то непременно оказываясь там, где щебетала с гостями Пилар. Сам того не замечая, Огородник начал злиться, ревнуя Пилар ко всем находящимся в зале мужчинам. Когда перешли в соседний зал и там подали напитки, Огородник мрачно подумал: «Эх, жаль, нет водки! Напиться бы до чертиков и набить кому-нибудь морду!»

Но от скандала его спасла Пилар. Как и было задумано в написанном резидентом ЦРУ сценарии, она подошла к Огороднику, обворожительно улыбнулась и затеяла ничего не значащий разговор о выставке. Потом речь зашла об исторических достопримечательностях Боготы — и тут выяснилось, что Огородник еще многого не видел.

— Этот пробел надо ликвидировать, — озабоченно заметила Пилар. — Мне даже как-то странно, что до сих пор ни одна из местных дам не взяла шефство над таким интересным мужчиной и не познакомила его с красотами столицы. Если вы не возражаете, я в меру своих сил постараюсь исправить эту ошибку. Разумеется, если у вас найдется время, — добавила она.

Услышав такой комплимент и весьма прозрачный намек на возможное свидание, Огородник чуть с ума не сошел! Время у него, конечно, нашлось, о желании и говорить нечего — так что они с Пилар стали встречаться у различных церквей, дворцов и пантеонов, заглядывая после этого в уютные кафе и экзотические ресторанчики. А однажды, сказавшись не совсем здоровой, Пилар отказалась от посещения очередной достопримечательности, предложив вместо этого поужинать вдвоем на недавно арендованной вилле. Как и было задумано, ужин закончился в постели. Огородник был на седьмом небе от счастья! Ему и в голову не приходило, что каждый его шаг, каждое свидание, каждое посещение бассейна, пляжа или ресторана фиксировались на видеопленку. В резидентуре ЦРУ считали, что такого рода компромат станет решающим козырем при вербовке Огородника. Но, как показало время, компромат не понадобился. Все было гораздо проще. Однажды, как бы случайно, Пилар познакомила Огородника со своими американскими друзьями, которые уже не один год работают в Колумбии. Сперва просто поболтали, потом выпили, потом американцы предложили Огороднику написать статью для солидного журнала — и пошло, поехало. Ему стали вручать пухлые конверты с гонорарами, при этом подчеркивая, что это пустяки, и при желании заработать можно гораздо больше. И вообще, они с Пилар такая замечательная пара: она — красавица и умница, он — видный мужчина и прекрасный специалист. На Западе им бы цены не было! Они могли бы иметь всё — от денег и славы до ранчо и яхты.

Такого рода разговоры велись все чаще, Огородник их не прерывал, и вот однажды друзья Пилар представили ему еще одного друга, который ради знакомства с Александром прилетел из Вашингтона.

Этот американец был несколько старше своих земляков и держался, если так можно выразиться, начальственно. Оказалось, что он действительно большой начальник и является одним из руководителей ЦРУ. Этот человек не стал ходить вокруг да около, а сразу взял быка за рога.

— Господин Огородник, — начал он, — ваше имя хорошо известно и в Лэнгли, и в Вашингтоне. Мы давно к вам присматриваемся и считаем, что такой серьезный и недооцененный Москвой интеллектуал, как вы, мог бы внести серьезный вклад в дело борьбы за мир, в дело предотвращения третьей мировой войны. Что бы ни говорили в Кремле, но мы-то знаем, что всему виной агрессивный советский тоталитаризм, который все еще мечтает о победе мировой революции и подталкивает к этому многие страны на самых разных континентах. Пока не поздно, этих московских мечтателей надо остановить. А чтобы остановить, надо знать их планы, причем в самых тонких и существенных деталях. Нам это трудно, а вам — по плечу! Срок вашей командировки в Колумбию скоро истекает, не сомневаюсь, что по возвращении в Москву вы займете солидный пост на Смоленской площади, и, если бы вы согласились делиться с нами внешнеполитической информацией, мы были бы вам очень благодарны, причем не только в твердой валюте. Мы знаем о ваших трогательных отношениях с Пилар и были бы рады со временем видеть вас гражданами США. Я понимаю, что мое предложение несколько неожиданно и вам нужно время на размышление, поэтому...

— Нет-нет, — перебил Огородник. — Размышлять мне не о чем. Я давно все обдумал. Я готов. Тем более, если Пилар будет со мной.

— Она будет с вами. Она будет вас ждать... Спасибо, господин Огородник, — протянул руку вербовщик из Вашингтона. — Я не сомневался, что мы поладим. Вы прекрасный парень. Я сегодня же доложу о нашем разговоре руководству. Кстати, для нас вы отныне не Огородник, а Трианон. Не удивляйтесь, в целях безопасности все наши люди работают под псевдонимами.

С этого дня Огородник стал вести двойную жизнь. Помня о наставлении своих хозяев занять солидный пост на Смоленской площади и понимая, что для этого надо получить хорошую характеристику, он стал работать как вол, выполняя самые сложные и

самые ответственные поручения посла. Умерил свой пыл и в отношении посольских дам, хотя отношений с Ольгой не прерывал. Все это было замечено и тут же отмечено. Ему снова стали подавать руку, приглашать в гости и на семейные торжества. Но больше всего он ликовал, когда его пригласил резидент КГБ и сказал, что решил доверить ему работу курьера спецохраны. Это означало, что Огородник получил доступ к шифротелеграммам и даже к святой святых — комнате шифровальщиков.

Когда об этом узнали в Лэнгли, то пришли в неописуемый восторг! Но чтобы Трианон, не дай Бог, не прокололся, запретили использовать какие-либо шифротелеграммы. Вместо этого посоветовали не расслабляться и пожелали дальнейших успехов в работе: им стало известно, что аналитические справки по вопросам экономики, которые готовит Огородник, доходят до Смоленской площади, где их внимательно изучают и очень положительно оценивают. Напомнили ему и о том, что нужно не забывать о зубах и регулярно посещать дантиста.

О дантисте разговор особый. Это была целая акция ЦРУ, разработанная с целью подготовки Огородника как профессионального разведчика. На кабинет зубного врача, расположенный неподалеку от советского посольства, американцы положили глаз давно, а точнее, в тот день, когда там появился первый советский дипломат. А когда пришли второй и третий, и на счет владелицы кабинета стали поступать деньги из советского посольства, американцы взялись за нее всерьез: для начала завербовали, потом дали средства на переоборудование кабинета и установили там не только новую бормашину, но и самые современные подслушивающие устройства. И не зря! Как оказалось, в кресле дантиста пациенты из советского посольства были очень разговорчивы и выбалтывали самые пикантные новости.

Но это не все. В том же кабинете американцы оборудовали целый учебный центр, где Огородник проходил шпионскую спецподготовку. Его учили секретам проведения тайниковых операций, методам закладки и изъятия контейнеров с инструкциями и донесениями, закамouflированными под кирпич или обломок дерева. Расшифровка цифровых радиопередач, фотографирование аппаратами, спрятанными в зажигалку, фломастер или авторучку, — все это тоже входило в программу обучения. Вот так, за два-три месяца, Огородник

не только привел в идеальный порядок свои зубы, но и стал профессиональным американским шпионом.

Между тем срок его заграничной командировки подходил к концу. Посол заверил Огородника, что в Москве его ждет интересная работа, во всяком случае, он сделал для этого все от него зависящее. Пожелал ему успехов и резидент КГБ, не забыв поблагодарить при этом за сотрудничество. Растрепанная и несчастная Пилар рыдала на его груди и клялась быть верной до гроба. Американцы закатили прощальный банкет, при этом не забыв напомнить, что во время пересадки в Нью-Йорке в аэропорту ему передадут специально оборудованный радиоприемник, который сможет принимать предназначенные ему передачи из Западной Германии. Не забудут его и парни из американского посольства в Москве.

Вернувшись в Москву, Огородник прежде всего привел в порядок свои семейные дела: он развелся с Александрой Арутюнян, но на Ольге Серовой так и не женился. Как он позже объяснял, просто не успел. Дело в том, что буквально через год Ольга заболела легочной формой гриппа и при довольно странных обстоятельствах скончалась. Многие считали, что дело здесь нечисто, а наиболее недоверчивые люди с Лубянки были уверены, что Ольгу на тот свет отправил Огородник, добавляя в таблетки, которыми она лечилась, микроскопические дозы какого-то яда.

Не зря, ох, не зря предупреждали американцы своего агента, чтобы он не расслаблялся и бдительности не терял ни на секунду. Дело в том, что люди с Лубянки, работавшие в службе безопасности МИДа, не спускали глаз с Огородника с первого дня его появления в Москве. Все началось еще раньше, в Боготе. Тогда в резидентуру КГБ поступил сигнал от надежного источника, что американцы увиваются вокруг трех работников советского посольства со вполне определенной целью вербовки. В их числе был и Огородник. В Боготе уличить его в чем-либо не удалось, как, впрочем, не удалось уличить и двух других. Но информация о подозрительной троице ушла на Лубянку, и разработка ни о чем не ведающих дипломатов продолжалась в Москве. Дело было настолько серьезным, что о его ходе чуть ли не каждый день докладывали руководству КГБ.

После тщательной проверки двое сослуживцев Огородника отсеялись, слишком уж они были мелкотравчаты, да и должно-стишки занимали мелкие. А вот Огородник работал в мозговом центре МИДа — так все называли Управление по планированию внешнеполитических мероприятий. Он имел доступ к самым важным сведениям, работал с самыми секретными документами, ему разрешалось находиться в специальной ознакомительной комнате и читать шифровки.

А когда подключили службу внешнего наблюдения, то тут же заметили, что Огородник по вечерам навещает Парк победы, поднимает и бросает какие-то камни, а минут через двадцать на тех же дорожках появляется работник американского посольства, установленный сотрудник московской резидентуры ЦРУ, тоже играет в камешки.

Внесла свою лепту и служба радиоконтрразведки, там зафиксировали появление нового канала связи Франкфуртского радиоцентра. Потом кто-то вспомнил о радиоприемнике, который Огороднику вручили в Нью-Йоркском аэропорту и который он якобы заказал в одном из магазинов. Обратили внимание и на то, что время франкфуртских передач Огородник, как правило, сидит дома.

А когда в его квартире сделали скрытый обыск, все стало яснее ясного. Нашли и контейнеры с фотопленками, и инструкции резидента ЦРУ, и переделанный радиоприемник, и многое другое. Об этом тут же доложили тогдашнему руководителю КГБ Юрию Андропову. После недолгого обсуждения было принято решение об аресте Огородника.

И тут чекисты допустили ляп, за который многим из них пришлось нести серьезную ответственность. Во время ареста и обыска на квартире Огородник сказал, что хочет дать письменные показания. Следователь обрадовался, дал ему бумагу, проверил лежавшие на столе авторучки и одну из них вручил Огороднику. Тот попробовал, сказал, что в ней засохла паста и она плохо пишет. Ему дали другую. Огородник усмехнулся, нажал на колпачок — и оттуда что-то выскочило, причем прямо в рот. Огородник дернулся, захрипел, изо рта пошла кровавая пена, и он рухнул на пол.

Потерявшие дар речи следователи пытались разжать зубы, делали искусственное дыхание — бесполезно. Вызвали «скорую», привезли в «Склиф», но и там ничего сделать не смогли. В четыре часа утра

Огородника не стало. Это произошло 22 июня 1977 года. Знаменательно совпадение — именно в этот день тридцать шесть лет назад на наши города упали первые фашистские бомбы.

Так закончилась операция «Агроном», но тут же началась другая, под названием «Сетунь». Впрочем, ее детали хорошо известны из довольно популярного фильма «ТАСС уполномочен заявить». То, что американцы не знали о смерти Огородника и им подставили загримированного под него сотрудника КГБ, истинная правда. Правда и то, что таким образом удалось выманить на встречу с Трианомом вице-консула американского посольства, а на самом деле профессиональную разведчицу (в фильме она превратилась в мужчину) Марту Петерсон, тоже правда. Задержали ее на Краснолужском мосту в районе Новодевичьего монастыря, доставили в приемную КГБ, обыскали, нашли послание для Трианона, а также деньги, кольца, кулоны, браслеты и контейнер с ядом. Так как Марта пользовалась статусом дипломатической неприкосновенности, ее отпустили, объявили персоной нон-грата и выслали из страны.

Но на этом история с Огородником не закончилась. Судя по всему, американцам и в голову не могло прийти, что Огородник покончил с собой и бедная Пилар стала неформальной вдовой.

«В худшем случае он арестован, — думали в Вашингтоне. — А раз так, есть возможность его спасти. В конце концов, Трианона можно обменять на какого-нибудь русского, которЪго ничего не стоит задержать за недозволенную деятельность на территории США».

О том, как высоко ценили Трианона в Вашингтоне, можно судить по такому многозначительному факту. Однажды во время беседы с советским послом государственный секретарь США Генри Киссинджер, несколько понизив голос, спросил, нельзя ли получить какую-либо информацию об Александре Огороднике, само собой разумеется, с целью участия в решении его дальнейшей судьбы. Посол пообещал связаться с Москвой... Ответ не заставил себя ждать: «Об Огороднике речь может идти только в прошедшем времени».

Как ни грустно об этом говорить, пример Огородника не стал другим наукой. Предательства среди дипломатов продолжались. ..

Данный текст является ознакомительным фрагментом.

Читайте книгу целиком